

2) Какое символическое значение могло иметь перевертывание урны вверх дном? По-видимому, сосуд в данном случае служил своеобразной крышкой, прикрывавшей прах и закрывавшей вход в мир мертвых. С входом в потусторонний мир отождествлялась вырытая в земле могильная яма. Наличие под урной подстилки было направлено на дополнительное усиление охранительных и оградительных свойств погребения.

3) Почему некоторые урны содержат угли и золу погребального костра, а другие нет? Если рассматривать уголь как неотъемлемый атрибут разнообразных охранительных обрядов, то уголь и золу в погребениях – дополнительное очистительное средство.

Все это позволяет предположить наличие у населения, оставившего данные захоронения, веры в то, что в горшке-урне, вместе с пережженными останками, находится дух (душа) умершего человека, которая способна причинять живым людям реальный вред. Поэтому ее следует оградить всеми доступными методами от мира живых людей. Данный вывод имеет значение для решения вопроса этнической принадлежности кремационных захоронений в среде салтовского населения бассейна Северского Донца.

Славяне I тыс. н. э. обряд кремации считали наиболее правильным: «Вы, арабы, глупы ... Действительно вы берете самого любимого вами из людей ... и оставляете его в прахе. И едят его насекомые и черви. А мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай» [Ковалевский, 1956, с. 145]. Таким образом, душа вместе с дымом погребального костра отправлялась на небо, а то, что осталось от тела, закапывалось в землю. Сожженный покойник не мог встать из могилы и каким-либо образом нанести вред живым людям, ибо душа была безвозвратно отделена от тела огнем, а само тело как орудие действия переставало существовать в своем естественном виде. Такие воззрения сдерживали возникновение у славян страха перед мертвыми, как это наблюдается у многих народов, применявших обряд трупоположения (болгар, алан).

Поэтому часть кремационных захоронений могильника Сухой Гомольци, по-видимому, следует связывать с неславянским населением, у которого присутствовал глубокий страх перед умершими, несмотря на применяемый ими обряд сожжения покойников.

ОБ ОДНОЙ РЕДКОЙ КАТЕГОРИИ КУХОННОЙ УТВАРИ ИЗ КУРГАНА № 18 ПЕСОЧИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Л. И. Бабенко

Среди многочисленного и разнообразного инвентаря из захоронений песочинского могильника особого внимания заслуживает обнаруженный в погребении 1 кургана № 18 железный крюк-ухват, относящийся к довольно редкой категории находок предметов кухонной утвари.

Железный ухват представляет собой наделие в виде железного витого стержня, верхний конец которого имеет сквозное отверстие со

вставленным в него железным кольцом. Нижний конец переходит в широкую пластину, загнутую на конце вверх под прямым углом. К этой пластине была приварена еще одна поперечная пластина, оба конца которой загнуты под прямым углом в ту же сторону. Таким образом, три пластины образуют своеобразную чашечку-черпачок. Общая длина стержня – 59 см. Диаметр кольца – 2 см, ширина пластин – 2,2 см, ширина чашечки – 7 см, глубина – 2,5 см. Подобные изделия являются достаточно оригинальным видом кухонной утвари. К настоящему времени перечень известных изделий такого типа насчитывает всего несколько экземпляров. Очень похожие крюки обнаружены в курганах № 12 у с. Старый Мерчик, № 8 погребение 1 у с. Купьеваха, №№ 4 и 14 у с. Дуровка, немного отличные – в Гаймановой Могиле и Бердянском кургане (Пузикова, 1966; 1997; 2001; Бандуровский, Буйнов, 2000; Фиалко, 2000; Бойко, Берестнев, 2001).

Интересно, что вилки довольно похожей формы были известны на протяжении длительного периода у многих народов Северного Кавказа. К числу наиболее ранних относятся вилки майкопской культуры (Ильюков, 1979). К периоду раннего средневековья форма этих изделий не претерпела существенных изменений (Михеев, 1985; Дмитриев, 1979; Аксенов, 1999), а некоторые народы Северного Кавказа подобные вилки использовали еще в начале XX века (Миллер, 1910; Калоев, 1971).

Довольно представительны и перечень названий, которые различные исследователи используют для обозначения подобных изделий – это черпаки и черпачки с ковшиком в виде многолепесткового цветка (Пузикова, 1966; Бойко, Берестнев, 2001), железный ухват (Бандуровский, Буйнов, 2000), «железный жезл» (Берестнев, 1981), вилки (Фиалко, 2000) и другие.

Несмотря на столь пестрый номинативный перечень, практически все исследователи, высказывавшие свое мнение о назначении подобных изделий, единодушны. Почти во всех случаях крюки были обнаружены в комплексах с бронзовыми котлами, поэтому связь с последними представляется бесспорной, равно как и их наиболее вероятное назначение – в качестве приспособлений для вынимания кусков мяса из котла.

Как альтернативный вариант возможного применения подобных изделий можно предположить их использование в качестве своеобразной жаровни для поджаривания кусков мяса на раскаленных углях. Открытая форма чашечки способствовала более быстрому прожариванию мяса, а форма стержня (в одном случае – граненая, в остальных – витая) препятствовала произвольному вращению последнего вокруг своей оси и, как следствие, опрокидыванию мяса на угли. Жарка мяса была у скифов менее распространенным, но все же известным приемом приготовления мясной пищи. Для этого иногда использовали специальные разнообразные приспособления, хотя нередко обходились и без них (Гаврилюк, 1987; 1989).

Картографирование находок наглядно демонстрирует локальный характер их распространения. Подобные ухваты не обнаружены в памятниках Днепровского Правобережья и ближайших ему регио-

нов Левобережной Лесостепи. Две находки происходят из северско-донецких курганов, еще две – из памятников Среднего Дона, одна – из могильника ворсклинского локального варианта, расположенного в непосредственной близости от памятников северскодонецкого региона. Конструкция ухватов из степных курганов заметно отличается от изделий из лесостепных захоронений. Это позволяет рассматривать подобные ухваты в качестве специфического элемента материальной культуры донецко-донских племен, что очередной раз подчеркивает наличие тесной связи между населением обеих регионов в скифское время.

БРОНЗОВЫЙ ИДОЛ ИЗ ФОНДОВ ХАРЬКОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

М. В. Хоружая

В фондах Харьковского исторического музея хранится уникальная статуэтка, найденная в 1976 г. В. Г. Бородулиным рядом с распаханным курганом возле с. Староверовка Ново-Водолажского района Харьковской области [Бородулин, 1977, с.302]. Автор находки датировал ее X-XI вв.

Бронзовая статуэтка представляет собой двуликую антропоморфную фигуру высотой 18,5 см. Она литая, полая внутри. На одной стороне запечатлен мужской облик, на противоположной – женский. Голова относительно туловища небольшая, заканчивается срезанным конусом – стилизованным изображением островерхого головного убора. Руки представлены небольшими обрубками, расположенными по обе стороны туловища. Туловище заканчивается широко расставленными ногами разной длины. Между ногами и в верхней части головы статуэтки имеется по одному небольшому отверстию диаметром 0,7 см. На корпусе статуэтки – несколько крупных раковин, которые могут являться как следствием литейного брака, так и механических повреждений изделия во время его использования.

Мужское изображение отличает выделенная борода, выпяченная вперед грудь, впалый живот, небольшой, едва заметный фаллос. Миндалевидной формы глаза выполнены прочерченными линиями. Через правый глаз проходит несколько вертикальных бороздок, что символизирует слепоту мужской фигуры на этот глаз.

Женское изображение, при общем сходстве с мужским, отличается целыми глазами, высоко поднятой, несколько заостренной грудью, выпуклым животом.

Фигурка из коллекции Харьковского исторического музея относится к кругу изделий так называемых «уродцев», связанных с творчеством средневековых тюркских мастеров. Наиболее близкой аналогией статуэтки из коллекции ХИМ являются двуликий остроголовый идол из коллекции Г. Н. Спасского [Спицын, 1909, с. 146, рис. 12] и фигурка двуликого антропоморфного существа из села Воздвиженского (Ставропольский край), датируемая VIII-X вв. [Березин,